

Литература

1. Права человека. Международный билль о правах человека. Организации Объединенных Наций. Нью-Йорк. 1995 С. 17
2. Майкл Якобсон. Право общественных интересов.<http://www.yurclub.ru/docs/other/article36.html> (Дата обращения: 25.02.13.)

Мулеев Е.Ю.,

г. Москва

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРЫ: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В современной немецкой социологии рядом исследователей в начале XXI века была предпринята попытка гносеологического обоснования формирования социологии архитектуры [3], основываясь на традиции немецкого обществоведения. Основываясь на теории символического интеракционизма, американские мыслители предприняли попытку обоснования собственного представления о социологии архитектуры как информационного сопровождения проектировочной деятельности архитектора [6]. Не вдаваясь в специфику зарубежных представлений о месте архитектуры в их теоретических концепциях, автором предпринята попытка рассмотрения истории изучения искусственно созданного материального окружения в работах отечественных обществоведов и некоторых архитекторов.

Зарождение отечественной социологии во второй половине XIX века, развитие научной дисциплины спровоцировало ряд течений, из которых наиболее приближенными к рассматриваемой тематике были, если следовать классификации Голосенко И.А., географическое и марксистское течения [2]. Позиция Мечникова Л.И. имеет мало отношения к критериям конкретно

архитектурной среды, он, разрабатывая свою теорию исходя из географически предзаданных природных предпосылок, он устанавливает факт наличия причинно-следственных связей между физической средой и некоторыми общественными условиями, что выступает как фундаментальная основа теории. «Она (теория) главнейшим фактором социологических изменений признает физическую среду» [4].

Работы Плеханова заложили основы пространственного анализа в духе марксизма. Собственно, центральная марксистская позиция взаимообусловленности природы, человека и общества находит своё отражение в его теоретических работах. «Воздействуя на природу вне её, человек изменяет и свою собственную» [2]. Этот процесс находит эмпирическое подтверждение в многочисленных исторических фактах, которыми оперирует Плеханов в своих рассуждениях, правда преимущественно применительно к ранним, едва ли не первобытным способам общественной организации. «Если материализация общественных явлений есть один из основных законов развивающегося общества, то ясно, что в соответствующих областях (т.е. надстройках) анализ нужно начинать отсюда» [1], - дополняет Бухарин.

Эта позиция окажется стартовой для многочисленных архитекторов непродолжительного периода авангарда. Отталкиваясь от работ Маркса и Энгельса, дополняя свои рассуждения новыми теоретическими конструкциями, критикой буржуазной архитектуры, в этот период была предпринята попытка формирования марксистской социологии архитектуры. В журнале СА №3 от 1929г. появляется статья «О социологии искусства» [9], в котором ключевое значение архитектуры заключалось в цитате из работ немецкого марксиста Вильгельма Гаузенштейна «Организованное пространство это транспарант, за которым пылают социальные вопросы эпохи» [9]. Архитектурное творчество приобретало значение не только «социального конденсатора эпохи», но и инструментом для реализации ряда коренных изменений социально-бытового характера. Стремление

осуществления планировочной деятельности на основе «научного подхода» стимулировало ряд конкретно социологических методов в работе, таких как анкетирование, интервью, включенное наблюдение, вплоть до психофизических экспериментов по восприятию цвета и пространства. Но их использование носило поверхностный и несистематический характер, соответствуя, по большей части, идеологическим соображениям необходимости обобществления быта, отталкиваясь от теоретических работ классиков марксизма.

Период «оттепели» выступил катализатором для возобновления социологических исследований, сформировав ряд объективных запросов на изучение общественных механизмов социалистического общества. В том числе и в отношении городской среды. «За период 1969 - 1989 гг. в стране было издано более 150 монографий и сборников по урбансоциологии, а с учетом ведомственных изданий и междисциплинарных работ - более 300, в том числе несколько библиографических справочников и обзоров» [10]. Например, в конце 60-х годов силами ЛенЗНИИЭПа, совместно с Ленинградской кафедрой философии АН СССР была проведена серия обследований жилища в Ленинграде и Норильске. Результатами работы выступили ряд конкретных предложений, касательно планировочной структуры жилья в зависимости от ряда социальных и демографических характеристик жителя, планировки микрорайона, размещения предприятий общественного обслуживания, вплоть до идеи полицентрической городской структуры. Примечательно, что первые серии домов, принципиально отличающихся от «хрущевок» как по планировочному решению, так и по этажности, обозначенные наименованием «улучшенных серий» появятся лишь в начале 70-х годов. Спустя 10 лет, район Шувалово-Озерки в Ленинграде будет строиться «с учетом результатов архитектурно-социологических исследований» [5]. Однако вопрос о четкой связи между социологией и проектированием улучшенных типовых серий жилья не имеет конкретной характеристики. Какая-то доля влияния результатов

социологических исследований присутствовала, но не носила основополагающий характер.

Современное изучение тематики множества работ советского периода составляют впечатление популярности темы, но в тоже время отсутствия практической применимости проведенных работ. Результаты социологических исследований были востребованы небольшой период времени – в разгар перестройки [8]. Собственно, эта удручающая специфика положения отечественных гуманитарных наук, сохраняется и сегодня. Возможность теоретического развития направления присутствовала, но «мы (советские социологи) обычно и привычно только «применяли», но практически никогда «не углубляли» марксистскую теорию»[8].

В случае современного рассмотрения этого направления встаёт вопрос определения архитектуры с точки зрения социологии, поскольку представляется недостаточным анализ исходя лишь из эстетического восприятия. Архитектура представляется, прежде всего, как пространственное образование, поэтому уместно рассматривать это направление исходя из социологии пространства, благо существуют предпосылки для этого, если отталкиваться от работы Филиппова А.Ф. [7] Тем не менее, на прошедшем в 2012 году IV Очередном Всероссийском социологическом конгрессе секция №40 была посвящена теме социологии архитектуры. Рассматривая представленные к публикации работы, хочется отметить преемственность точек зрения авторов с тематиками работ конца 60-х годов, в которых сложно было не обнаружить упоминания «слабой разработанности темы» или необычной перспективности этого направления исследований. Но рассуждения современников носят поверхностный характер, ввиду отсутствия внятного теоретического фундамента, но, скрывая смысл за сложными речевыми оборотами, зачастую демонстрируют очевидные умозаключения, доступные любому наблюдательному человеку, разбирающемуся в истории.

Ввиду проблематики пространства, исследовательский вопрос которого долгое время «не относился к разряду важных и принципиальных; были авторы, но они не видели проблемы»[7], тема социологии архитектуры представляется как перспективное направление в эмпирических исследованиях, что демонстрирует, собственно, английский опыт изучения предпочтений домохозяйств [11]. Слабая гносеологическая база архитектурного социологизирования не позволяет выстраивать адекватные концепции ввиду ограниченности концептуального аппарата. Представляется, что и в социологии пространства направление архитектуры занимает примерно столько же места, как в социологии мобильностей занимает транспорт. Поэтому перспективы теоретической социологии архитектуры представляются туманными.

Литература

1. Бухарин Н.И. К постановке проблем теории исторического материализма. Социология в России XIX – начала XX веков. ИСТОРИЯ социологии. Социологическое образование. Тексты/ Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1997. – 496с.
2. Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX-XX вв, М.: Онега, 1995. – 288с
3. Делитц Х. Архитектура в социальном измерении // Социологические исследования. 2008. №10
4. Ковалевский М.М. Географическая школа в социологии. Социология в России XIX – начала XX веков. ИСТОРИЯ социологии. Социологическое образование. Тексты/ Под ред. В.И. Добренькова. – М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1997. – 496с.
5. Ружже В.Л. Социальный эксперимент в жилой среде. Эффективность жилой среды в условиях городского образа жизни. Материалы научно-теоретического совещания. Отв. ред. Ружже В.Л. – Л., 1978

6. Смит Р., Бани В. Теория символического интеракционизма и архитектура // Социологические исследования. 2010. №9
7. Филиппов А.Ф. Социология пространства. Изд-во «Владимир Даль», С-Пб., 2008.
8. Фирсов Б.М. История советской социологии: 1950 – 1980-е годы. Очерки: [учебное пособие]/ Борис Фирсов. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 476с.
9. Хигер Р. О социологии искусства, СА №3 1929
10. Яницкий О.Н. Социология города. Социология в России/ Под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., пераб. и дополн., М.:Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998
11. The way we live now: What people need and expect from their homes. A research report for the Royal Institute of British Architects, 2012

Назаркина В. Н.,
Украина, г. Харьков

СОЦИАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ПРИНЦИПЫ ОСМЫСЛЕНИЯ, ОЦЕНКИ И ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В условиях динамичности и неопределенности социальных процессов особую **актуальность** приобретают проблемы обеспечения безопасности, поскольку потребность в ней принадлежит к числу базисных, мотивационных механизмов человеческой жизнедеятельности. Недооценка или игнорирование проблем безопасности на всех уровнях социальной организации не только оборачивается теми или иными потерями, но, в конечном счете, неизбежно ведет к падению жизнеспособности, конкурентоспособности и даже гибели соответствующих ее субъектов.